

№ 229 8
437

3.
Полтавскому Музею
от И. Кляко
Вильна

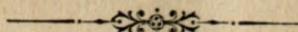
3031

II

Несколько словъ

по поводу открытаго письма къ гр.
Л. Н. Толстому Стараго Судьи.

С. Е.



ВИЛЬНА.

Типографія ІОНСОНА, Благовѣщенская ул., д. Палтова
1900.

95 $\frac{1}{465}$

Исколъко словъ

по поводу открытаго письма къ гр.
Л. Н. Толстому, Стараго Судьи.

©. ©.



В И Л Ь Н А.

Типографія ЩОНСОНА, Благовѣщенская ул., д. Чалтова.

1900.

Дозволено Цензурою 16 февраля 1900 г. Вильна.



460

По письму Старого Судьи къ гр. Л. Н. Толстому о его романѣ „Воскресеніе“ можно убѣдиться въ томъ, что и судья трудно избѣжать общечеловѣческой слабости; что и ему трудно быть судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Я предлагаю потому пересмотрѣть дѣло вновь, по возможности, безпредвзятно. Я не согласенъ съ выводами почтеннаго автора открытаго письма; во мнѣ, думаю, и въ другихъ, „Воскресеніе“ возбудило иныхъ мысли, вызвало иное настроеніе. Произошло это, какъ я теперь вижу, вслѣдствіе того, что при чтеніи романа, съ первыхъ главъ его, я поглощенъ былъ намѣреніями художника, но совсѣмъ не тѣми, которыя приписываетъ ему Старый Судья. „Очевидною цѣлью романа, думаетъ онъ, было изобразить бездушный персоналъ судей, для которыхъ личность преступника совершенно исчезаетъ, которые думаютъ только о себѣ“, и т. д.; но очевидная цѣль романа было изобразить воскресеніе умершей души человѣческой, и мы, читатели, были и останемся свидѣтелями этого воскресенія. Въ каждомъ романѣ есть герой и героиня; въ „Воскресеніе“ герой—Нехлюдовъ; героиня—Катя Маслова. На ней главнымъ образомъ сосредоточивается наше вниманіе, потому-что смертный сонъ ея былъ глубже: но тѣмъ торжественнѣе и радостнѣе ея воскресеніе. Завязка романа произошла задолго до событія, при которомъ мы встрѣчаемся въ судебномъ засѣданіи, въ залѣ Окружнаго суда, съ героямъ и героиней; полжизни уже позади ихъ. Впослѣдствіи, при развитіи фабулы, Нехлюдовъ присутствуетъ еще при одномъ судебномъ засѣданіи въ Сепатѣ. Въ романѣ, такимъ образомъ, выставлено всего два состава судебныхъ засѣданій по одному и тому-же дѣлу въ разныхъ инстанціяхъ. Можно ли по этому обратиться къ гр. Толстому съ упрекомъ въ томъ, что онъ „съ обидной тенденціозностью дѣлаетъ умышленный подборъ личностей и случайностей и въ цѣлой обширной судебской семье не находить ни одного симпатичнаго и честного человѣка“.

Можно сказать только одно, что гр. Толстой воспользовался для своего романа судебной ошибкой, какъ воспользовался ею и Достоевскій въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, а при описаніи судебной ошибки нельзя и ожидать, чтобы дѣятельность суда была выставлена съ лучшей своей стороны. Но описание судебной ошибки не есть описание дѣятельности всего суда. При извѣстной оговоркѣ, я готовъ согласиться со Старымъ Судьей въ томъ, что гр. Толстой „отрицаетъ судъ въ самой его идее“; но не нахожу, чтобы для этого онъ прибѣгалъ „къ извращенію дѣйствительности“. Объ извращеніи дѣйствительности впослѣдствіи, а оговорка состоитъ въ слѣдующемъ. „Четвертое дѣло (для Нехлюдова) состояло въ разрѣшеніи вопроса о томъ, что такое, зачѣмъ и откуда взялось это удивительное учрежденіе, называемое уголовнымъ судомъ, результатомъ котораго былъ острогъ, съ жителями котораго онъ отчасти ознакомился, и всѣ тѣ мѣста заключенія, отъ Петрапавловской крѣпости до Сахалина, гдѣ томились сотни, тысячи жертвъ этого удивительного для него уголовнаго суда“. Въ книгахъ Нехлюдовъ не нашелъ отвѣта. „Нехлюдовъ читалъ много, но урывками, и отсутствіе отвѣта приписывалъ такому поверхностному изученію, надѣясь впослѣдствіи пайти этотъ отвѣтъ, и потому не позволялъ себѣ еще вѣрить въ справедливость того отвѣта, который въ послѣднее время все чаще и чаще представлялся ему.“ Но допустимъ, что для Нехлюдова, какъ и для гр. Толстого, отвѣтъ скорѣe долженъ получиться отрицательный. Слѣдуетъ ли однако предположить, что при такомъ отрицательномъ отношеніи художника къ сюжету (изображеніе суда является второстепеннымъ сюжетомъ „Воскресенія“) получится непремѣнно невѣрное его освѣщеніе? Всякій имѣеть право относиться отрицательно ко всякому явленію жизни; въ томъ числѣ и художникъ, такъ какъ художественное изображеніе есть только извѣстный способъ выраженія своихъ мыслей. Судебные ораторы иногда сравниваютъ дѣятельность судей съ дѣятельностью военныхъ: „вы, говорятъ они, сражаетесь съ врагами вѣшними, мы съ врагами внутренними“. Извѣстная аналогія тутъ существуетъ. Посмотримъ же какъ художники изображаютъ войну, которая касается судейскихъ только по аналогіи, и о которой, по этому, мы можемъ разсуждать съ большимъ спокойствиемъ. Знаменитый польский романистъ въ дѣлѣ серії романовъ рисуетъ воинственное, геро-

йческое прошлое своей родины въ такомъ опоэтизированномъ видѣ, что, по прочтениіи ихъ, современный шляхтич долженъ наполниться тоской объ этой угасшей жизни, полной крови, среди дымящихся развалинъ мѣстечекъ и сель, но и полной отваги, свободы, веселья и любви, пирровъ и упоенія; какой ничтожной и скучной покажется ему его жизнь въ сравненіи съ жизнью Володіевскаго и прочихъ рыцарей минувшей счастливой поры. Гениальный польскій художникъ показывалъ въ Петербургѣ свою удивительную композицію «Битвы подъ Грюнвальдомъ». Въ срединѣ свалки рвется впередъ на конѣ молодой король, одухотворенный отвагой, навстрѣчу улыбающейся ему уже издали побѣды, напоминающей—Георгія Побѣдоносца; надъ нимъ въ облакахъ художникъ помѣстилъ образъ Божіей Матери. Мы въ правѣ заключить о намѣреніи художника убѣдить зрителей въ томъ, что само Провидѣніе покровительствовало побѣдѣ Польскаго короля. Въ тѣхъ-же залахъ потомъ появилась выставка картинъ русскаго художника съ изображеніемъ эпизодовъ русско-турецкой войны, но какая разница. Шокатость холма послѣ отступленія русскихъ, не успѣвшихъ захватить убитыхъ товарищѣй, надъ которыми потѣшаются турки, обдирающіе мертвѣцовъ; безконечно-длинный обозъ съ ранеными, тянущійся по страшной распутицѣ; въ углу картины полковой священникъ въ черной ризѣ, совершающій папшиду надъ сотнями, а можетъ быть и тысячами убитыхъ; сизая струйка дыма подымается изъ дрожащей въ его рукѣ кадильницы, развѣваемая вѣтромъ изъ подъ надвигающейся темной тучи; замерзающіе на Шибкѣ часовые: „все спокойно“: такъ-ли долженъ былъ изобразить художникъ—мыслитель и патріотъ славную для насъ войну, какъ-бы оправдывая ея печальный финалъ въ Берлинѣ? Художественная цѣнность всѣхъ этихъ произведеній искусства одинаково велика; для картинъ русскаго живописца она оказалась по карману только такому меценату какъ Третьяковъ. Лучшій русскій военный авторитетъ, по поводу другого романа гр. Толстого, объявилъ мечты о вѣчномъ мирѣ утопіей; спокойствіе міра безъ войны и ея доблестей будетъ походить на спокойствіе кладбища, говоритъ онъ, ссылаясь въ этомъ случаѣ на самого Гегеля, правда, не совсѣмъ удачно. А все таки многіе скажутъ, что Третьяковъ былъ правъ, купивъ картины Верещагина для своей галлерей. Послѣ пораженія подъ Шевной Императоръ Алекс-

сандръ II-ой, обходя ряды раненыхъ, говорятъ, проливалъ слезы, какъ женщина; а его Внукъ, взойдя на отеческій престолъ, объявилъ войну величайшимъ бѣствіемъ для человѣчества, и потрясенный этой вѣстью міръ преклонился предъ Нимъ, благословилъ мужество и величие Его сердца и обѣщалъ имени Его бессмертіе. Можно отрицать и войну, и судъ,—надо только для этого подняться очень высоко. Тотъ, кто предвидѣлъ время, когда мечи перекуютъ на орала, видѣлъ суды, стоящіе въ запустѣніи, и дорогу къ нимъ, поросшую травою.

Возвратимся къ Нехлюдову. Гонимый проснувшейся въ немъ совѣстью и сохраняя въ сердцѣ тотъ духовный образъ нѣкогда любимой имъ дѣвушки, который возникъ предъ его мысленнымъ взоромъ еще въ судебнѣмъ засѣданіи, неразрывно связанный съ воспоминаніемъ о лучшей порѣ его собственной жизни, онъ идетъ къ Масловой въ тюрьму, слѣдуетъ за ней въ ссылку, на каторгу. Здѣсь онъ знакомится со многими осужденными и, по своей привычкѣ классифицировать, подраздѣляетъ преступниковъ на пять разрядовъ: жертвы судебныхъ ошибокъ; случайные преступники, совершившіе преступленіе по непониманію преступности своихъ дѣяній; люди, возмутившіеся противъ общественнаго порядка, среди которыхъ встрѣчаются однажды личности съ выдающимися душевными способностями, и наконецъ, преступники—жертвы общественныхъ неустройствъ и испорченные преступные типы, въ виновности которыхъ общество не можетъ не сознавать своей доли отвѣтственности. Но обо всемъ обѣ этомъ написано и въ тѣхъ умныхъ книжкахъ, которыя читалъ Нехлюдовъ. Нехлюдовъ усумнился въ цѣлесообразности карательной системы (тоже не ново), даже призналъ вредность ея, какъ для осужденныхъ, такъ и для общества; но отсюда еще нельзѧ сдѣлать вывода, что судъ есть не больше, какъ механически дѣйствующая гильотина. Такого вывода въ романѣ и нѣтъ. Далѣе изображаются новые встрѣчи Нехлюдова, его настроенія и постепенно слагающійся новый душевный его укладъ. Послѣ подачи Масловой прошенія на Высочайшее имя, Нехлюдову незачѣмъ было возвращаться въ залу судебнѣхъ засѣданій, а съ нимъ вмѣстѣ и гр. Толстому, слѣдовательно, послѣднему не было и повода выводить другіе типы судей или, хотя бы и тѣхъ же судей, но при иной обстановкѣ. Поступивъ такимъ образомъ, романѣтъ парушить бы стройность

повѣствованія, даже долженъ быль-бы прервать на время течѣніе романа.

Отъ этихъ, въ значительной мѣрѣ, эстетическихъ соображеній, переходжу къ частному, но болѣе близкому намъ вопросу, на сколько выведенныя въ романѣ личности изъ судебнаго персонала представляются личностями исключительными и действительно-ли засѣданіе по дѣлу Масловой въ Окружномъ Судѣ, въ изображеніи гр. Толстого, такъ намѣренno тенденціозно. Собственно говоря, мнѣніе Стараго Судьи относительно состава суда не опредѣленно: сначала онъ признаетъ, что это личности «измышленныя», но вслѣдъ затѣмъ говоритъ, что онъ не намѣренъ „оспаривать жизненную правдивость изображенія судей“ (казалось бы, нечего больше и требовать отъ художника), но упрекаетъ автора романа въ томъ, что „онъ приподнялъ только уголокъ ихъ правственной личности и оставилъ читателя лицомъ къ лицу только съ этими занятыми исключительно собою холодными и бездушными фигурами; не посмотрѣлъ на этихъ людей въ другіе моменты судебной драмы, когда, отогнавъ мимолетную мысль, они снова становятся на высотѣ своего призванія“. Чего однако можно ожидать отъ людей „бездушныхъ и холодныхъ“? Приходится остановиться на чемъ-либо одномъ и, чтобы избѣжать противорѣчія, сказать, что изображеніе судей жизненно и правдиво. Съ этимъ нельзя не согласиться. Но въ такомъ случаѣ, приговоръ о нихъ (по крайней мѣрѣ о двухъ изъ нихъ) Стараго Судьи слишкомъ строгъ, даже несправедливъ. Если въ характерѣ предсѣдательствующаго нельзѧ не усмотреть нѣкоторой „беззаботности“ и даже „игривости“, то судью, сидѣвшаго справа отъ него, никакъ нельзѧ представить себѣ человѣкомъ „очерствѣвшимъ въ безсердечіи“, и ни про одного члена суда нельзѧ и подумать, что это люди, „впавшіе въ какой-то идіотизмъ“.

Въ чемъ собственно провинился товарищъ предсѣдателя? Въ томъ, что предъ засѣданіемъ, въ ожиданіи опаздывающаго члена суда, занимался гимнастикой; что вышелъ въ засѣданіе безъ подготовки; въ томъ, что во время засѣданія нѣсколько разъ отвлекался мыслью къ предстоящему свиданію съ губернанткой Кларой Васильевной, и въ томъ, наконецъ, что не указалъ присяжнымъ засѣдателямъ о возможности дать ограничительные ответы. Заниматься гимнастикой въ свободныя минуты судьямъ по-

ложительно полезно; это, конечно, многимъ изъ нихъ совѣтовали и врачи. Самъ гр. Толстойѣздить на велосипедѣ, и потому въ упражненіяхъ товарища предсѣдателя съ гирями не могъ видѣть чего-либо предосудительного. Ничто не указываетъ на то, чтобы товарищъ предсѣдателя не былъ ознакомленъ съ дѣломъ Масловой; напротивъ, существуетъ противуположное указаніе: по предложенію секретаря онъ охотно согласился пустить дѣло Масловой первымъ, сообразивъ, что оно не задержитъ его въ судѣ долѣе четырехъ часовъ, слѣдовательно, онъ знакомъ былъ съ дѣломъ. Инцидентъ съ Кларой Васильевной интимнаго свойства, и говорить о немъ довольно затруднительно. Конечно, громадное большинство судей не способно на подобныя рискованныя предпріятія; притомъ и стоять они дорого, а суды народъ небогатый. Однако же найдутся и въ ихъ средѣ люди съ достаткомъ или имѣвшіе средства, истративъ которыхъ, они приобрѣли знакомство и сохранили связи съ хорошимъ обществомъ, нанимающимъ дорогихъ гувернантокъ. Нельзя сказать, чтобы прошлое этихъ людей служило препятствиемъ для нихъ въ прохожденіи службы; въ большинствѣ случаевъ они не могутъ пожаловаться на свою карьеру. Въ извѣстной мѣрѣ это способствуетъ нѣкоторой беззаботности ихъ характера. Все-таки можно было обойтись и безъ гувернантки. Гораздо пріятнѣе было-бы знать, что товарища предсѣдателя беспокоила мысль о необходимости вернуться къ назначенному въ 6 часовъ консаліуму у больной жены, которую онъ вынужденъ былъ покинуть дома, чтобы не отложить дѣла Масловой. Можетъ быть и совсѣмъ не было надобности упоминать о беспокойствѣ предсѣдательствующаго, тѣмъ болѣе, что, какъ мы увидимъ, оно осталось безъ послѣдствій для подсудимыхъ.—„Постороннія мысли приходятъ и во время молитвы“. Но молитвенное настроеніе длится не долго, а судить надо съ утра до вечера, изо дня въ день. Судей могутъ беспокоить самыя законныя, самыя священныя заботы, и никто не можетъ поручиться за то, что какъ-бы строго онъ не слѣдилъ за собою, въ такие моменты душевной тревоги сохранилъ надлежащую ясность разумѣнія и въ полной мѣрѣ защитилъ интересы подсудимаго. Мало того, судебное разбирательство въ нашихъ судахъ вообще идетъ ускореннымъ темпомъ въ силу того, что русскіе суды, какъ это доказано статистически, въ пять, если не въ десять разъ, больше загалены дѣлами про-

тивъ, напр. французскихъ судей. Какъ бы ни былъ искусенъ хирургъ, въ полевомъ лазаретѣ, подъ непріятельскими выстрѣлами, онъ не въ состояніи работать съ тѣмъ-же хладнокровiemъ и осмотрительностью, какъ въ клиническомъ кабинетѣ. Ампутируемымъ отъ этого не бываетъ легче. Что касается до неполноты резюмэ, мнѣ кажется, что обѣ этомъ упомянуто въ протоколѣ судебнаго засѣданія по ошибкѣ самого гр. Толстого. Указать присяжнымъ засѣдателямъ на возможность дать ограничительные отвѣты было легко, и времени на это требовалось лишь вѣсЬко минутъ; резюмэ гораздо удобнѣе сокращать на счетъ исторической его части; такъ-бы и поступилъ товарищъ предсѣдателя; но онъ говорилъ пространно и, по общему убѣжденію, хорошо. Только та часть резюмэ, въ которой объяснялось присяжнымъ засѣдателямъ ихъ право осуждать или оправдывать, но не миловать, показалась имъ скучноватой; они, конечно, не въ первый и не во второй только разъ призывались въ судъ, твердо знали свои права, что и доказали въ совѣщательной комнатѣ. Въ общемъ товарищъ предсѣдателя производитъ пріятное впечатлѣніе не только своею внѣшностью: это человѣкъ вполнѣ воспитанный; онъ учтивъ съ товарищемъ прокурора, благосклоненъ къ подсудимымъ, чувствителенъ къ затрудненію защитника, держитъ себя съ достоинствомъ.

Членъ суда „съ большой бородой и добрыми, внизъ оттянутыми глазами“, придерживается предразсудка загадывать на счастье. Каждый изъ настъ не захочетъ трехъ свѣчекъ на столѣ, зная, что это нѣпріятно его товарищу, и, не вѣря самъ въ эту примѣту, никакъ, вслѣдствіе этого, не лишитъ своего уваженія человѣка, въ прочихъ отношеніяхъ вполнѣ почтенного. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ предразсудки сохранялись до конца жизни даже величими людьми. Членъ суда съ большой бородой пріобрѣлъ не только катarrъ желудка, можетъ-быть, и не по собственной винѣ; зеркало его души въ его добрыхъ глазахъ. Онъ, хотя и ослабѣлъ къ концу засѣданія, но за дѣломъ слѣдилъ внимательно и охотно согласился на предложеніе предсѣдательствующаго примѣнить въ отношеніи Масловой 818 ст. Уст. Уг. Суд. Несправедливо называть такого человѣка манекеномъ.

Товарищъ прокурора виноватъ только своей молодостью и свойственнымъ ей желаніемъ поскорѣе отличиться. Если-бы его същадъ благожелательный человѣкъ, онъ могъ-бы образумить

— 8 —

го на первых же порахъ. Подобныя рѣчи безвредны въ судебныхъ засѣданіяхъ. Интеллигентные присяжные засѣдатели о нихъ такого-же мнѣнія, какъ и строгій членъ суда; а для простыхъ людей разсужденія о Ломброзо, Тардѣ, гипнотизмѣ и декадентствѣ матерія непонятная. Товарищъ прокурора „былъ обрадованъ неожиданнымъ успѣхомъ относительно Масловой, приписывая этотъ успѣхъ своему краснорѣчію“; и былъ-бы очень сконфуженъ, если-бы узналъ, что о его рѣчи въ совѣшательной комнѣ никто изъ присяжныхъ даже и не заикнулся. Но во время предварительного слѣдствія желаніе поймать преступника во что-бы то ни стало приводитъ иногда къ печальнымъ результатамъ. Хватаются за первую видимость; собираютъ кучу матеріала и, хотя сознаютъ недостаточность уликъ, говорятъ себѣ: «присяжные оправдаютъ, а все таки посидитъ въ тюрьмѣ.» Настоящіе виновники тѣмъ временемъ успѣваютъ пустить концы въ воду, а въ тюрьму попадаютъ «чудесная старушка» Меньшова и ея ни въ чемъ неповинный сынъ. Зло это замѣчено, и противъ него уже раздался предостерегающій голосъ министра юстиції. Если кто-либо изъ товарищей прокурора въ изображеніи гр. Толстого узнаетъ себя вполнѣ или отчасти, тѣмъ лучше. Тѣхъ же достойныхъ молодыхъ людей, которые входятъ на прокурорскую трибуну съ истиннымъ, законнымъ и высокимъ пониманіемъ своихъ обязанностей, вѣрность непохожаго на нихъ портрета не обидить, а развѣ только поможетъ имъ укрѣпиться въ своихъ правилахъ и избѣжать невольныхъ промаховъ.

Старый судья, приписавъ гр. Толстому чуждыя ему намѣренія и подвергнувъ его по этому поводу обстоятельному допросу, спрашиваетъ его въ концѣ. „И, наконецъ, прежде чѣмъ бросить присяжнымъ засѣдателямъ упрекъ въ ихъ равнодушіи къ судьбѣ ближняго, не случалось-ли вамъ читать въ судебнѣхъ лѣтописяхъ такихъ фактовъ, когда этихъ присяжныхъ, исполненныхъ (истомленныхъ?)^{*} непосильною для нихъ работою отыскать ускользающую отъ нихъ истину, заставали стоящими на колѣнѣахъ и молящимися о просвѣтленіи ихъ мысли въ эту важную, рѣшающую минуту?“ Равнодушія присяжныхъ къ судьбѣ ближняго— вотъ ужъ чего не было по дѣлу Масловой. Вѣроятно и гр. Толстой

*По редакціи письма въ № 8, 1899 г., „Журналъ Мин. Юст.

слышалъ о колѣннопреклоненныхъ и молящихся присяжныхъ. Случай отрадный, но рѣдкій. Обыкновенно-же присяжные засѣдатели при разрѣшеніи дѣлъ въ совѣщательной комнатѣ курятъ и очень много. На бѣду между присяжными по дѣлу Масловой оказался полковникъ—любитель вдаваться въ отступленія и рассказывать о бывшихъ съ нимъ случаяхъ. Такихъ любителей анекдотовъ найдется не мало и между заправскими юристами. Въ логикѣ эта неправильность въ доказательствѣ извѣстна подъ названіемъ ignoratio elenchi—аргументаціи не на тему, отвлеченія вниманія собесѣдника на постороннія соображенія. Но присяжнымъ это было не вдомѣкъ; полковника никто не остановилъ, и онъ всѣмъ ужасно наскучилъ. Спорили, спорили, а все же дѣло рѣшили правильно. По моему то, что описано въ романѣ гр. Толстого, прямо идетъ въ защиту института присяжныхъ. Похоже на то, какъ будто, испытывая экипажъ, пустили его по ухабистой дорогѣ, щутъ, бросаетъ изъ стороны въ сторону, а все же доѣхали благополучно. Важнѣе всего то, что между присяжными всегда найдется человѣкъ, которому данный случай, по своей обстановкѣ, понятенъ какъ никому. Такого присяжного ничѣмъ въ сторону не собѣшь. Тоже и здѣсь. Казалось бы, чего можно ожидать отъ купца 2-ой гильдіи Петра Баклашова, сосѣда Нехлюдова на скамье присяжныхъ засѣдателей? Явился онъ въ судъ, успѣвъ уже выпить и закусить; ужасная смерть такого-же купца Смѣлкова не разрушаетъ его благодушнаго настроенія. Ему, повидимому, понравилось одно:— „Ну, братъ, здорово кутиль, по сибирски. Тоже губа не дура, какую красотку облюбовалъ“. А между тѣмъ онъ-то и явился самымъ горячимъ защитникомъ Масловой. Читатель, невидимо присутствующій въ совѣщательной комнатѣ, которому извѣстна невинность Масловой, съ живѣйшимъ интересомъ слѣдить за борьбою, и все его сочувствіе на сторонѣ неожиданного заступника за подсудимую. Когда возникъ вопросъ о томъ, украла-ли Маслова деньги, всѣхъ вывелъ на дорогу Баклашовъ.

— Такъ что же по вашему она украла?

— Ни за что не повѣрю,—закричалъ добродушный купецъ,—а все эта шельма красноглазая нашкодила.—

Присяжные готовы согласиться съ тѣмъ, что Маслова не краля денегъ, но ихъ смущаетъ то, что у ней оказался перстень.

-- А перстень?

Но это обстоятельство известно Баклашову, какъ будто онъ видѣлъ все своими глазами.

— Да вѣдь она сказывала, опять закричалъ купецъ. Купчина характерный, да еще выпивши, вздуль ее. Ну, а потомъ, известно, пожалѣлъ. На, моль, не плачь.—

Предсѣдательствующій будто-бы не разъяснилъ присяжнымъ о томъ, что они могутъ вынести ограничительные отвѣты, если признаютъ обвиненіе въ чемъ либо недоказаннымъ. Но споръ ведется именно на этой почвѣ. Всѣмъ имъ это и безъ того известно. Понимаетъ все и старый артельщикъ, подающій голосъ за оправданіе всѣхъ подсудимыхъ; понимаетъ, но не желаетъ отступить отъ своего правила; „Мы и сами не святые.“ Съ Картинкинымъ и Бочковой покончили скоро. Относительно Масловой Петръ Герасимовичъ „говорилъ такъ убѣдительно, что большинство согласилось съ нимъ, признавъ, что Маслова не участвовала въ похищениіи денегъ и перстня, что перстень былъ ей подаренъ. Когда-же зашла рѣчь объ ея участіи въ отравленіи, то опять горячій заступникъ ея, купецъ, сказалъ, что надо признать ее невиновной, такъ какъ ей незачѣмъ было отравлять“. Полковникъ опять пустилъ въ ходъ анекдотъ.

— Такъ какъ-же, господа, обратился ко всѣмъ старшина: признаемъ виновной, но безъ умысла ограбленія, и имущества не похищала.—Такъ что-ли?

— Но заслуживаетъ снисхожденія,—прибавилъ купецъ.

— Нѣтъ, не виновна, настаивалъ артельщикъ.

— Да вѣдь оно такъ и выходитъ, разъяснилъ старшина:—безъ умысла ограбленія и имущества не похищала, стало-быть, и не виновна.

— Валяй такъ, и заслуживаетъ снисхожденія: значитъ, что останется, послѣднее счистить,—весело проговорилъ купецъ. Всѣ такъ устали, такъ запутались въ спорахъ, что никто не догадался прибавить бѣ отвѣту:—да, но безъ намѣренія лишить жизни“.

Ясно, что присяжные оправдали Маслову, но не замѣтили, что отвѣтъ не выражаетъ ихъ мысли. Но вѣдь отвѣтъ страдаль внутреннимъ противорѣчіемъ: ошибка была очевидна; стоило только указать на это присяжнымъ, вернуть ихъ на нѣсколько

минутъ въ совѣщательную для оговорки, и Маслова была-бы спасена.

— „Такъ почему-же предсѣдатель не сдѣлалъ этого?“ Съ такимъ вопросомъ обратился Нехлюдовъ къ адвокату Фонарину. Фонаринъ, убѣжденный въ томъ, что всѣ судейскіе такие люди, которыхъ надо только благодарить за то, что они не ссылаютъ кого угодно въ мѣста не столь отдаленныя, не безъ язвительности отвѣтилъ ему вопросомъ-же: „Я бы тоже желалъ знать почему?“. Потому, что предсѣдатель остановился на мысли, которая первая пришла ему въ голову, отмѣнить приговоръ присяжныхъ, и подсказалъ ее члену съ добрыми глазами; но, встрѣтивъ рѣшительный отпоръ слѣва, зная, что убѣженія здѣсь бесполезны, отступилъ, не подумавъ о возможности другого исхода.—Это случается и съ математиками: добиваются рѣшенія задачи по извѣстному способу и не замѣ чаютъ, что она допускаетъ другое, болѣе легкое рѣшеніе. Вѣроятно, товарищъ предсѣдателя послѣ засѣданія, отѣлавшись отъ Нехлюдова, не вспоминалъ уже о дѣлѣ Масловой; но очень вѣроятно также, что почтенный Матвѣй Никитичъ, не спѣша возвращаясь домой, соразмѣряя свои шаги, вдругъ остановился, вспомнилъ про косоглазую дѣвушку, виновность которой казалась ему болѣе чѣмъ сомнительной, и спросилъ себя: „да почему мы просто не вернули присяжныхъ къ новому совѣщанію?“ Было уже поздно. Почему Петръ Герасимовичъ, который первый замѣтилъ, что старшина прочель о Масловой не то, чѣмъ рѣшено было дѣло въ совѣщательной, почему онъ не заявилъ обѣ этомъ громогласно? тогда, волей не волей, пришлось-бы задержать присяжныхъ еще на полчаса. Потому, что Петръ Герасимовичъ русскій человѣкъ. Русскіе очень храбры въ своей компаніи, но предъ начальствомъ не могутъ преодолѣть своей застѣнчивости. Положимъ, судьи Петру Герасимовичу не начальники; но вѣдь онъ притомъ еще и учитель, а въ учебномъ вѣдомствѣ уваженіе къ мундиру признается, во всякомъ случаѣ, младшею добродѣтелью. Но, скажутъ, кому не слѣдовало молчать, такъ это Нехлюдову. Напрасное ожиданіе. Хозяинъ уже коснулся его своей рукой; но ночь генеральной „чистки души“, смертельной борьбы съ самимъ собою для него была еще впереди. Мечты юности не обманули его; они незримо помогли ему одолѣть врага, обративъ его взоръ за помощью туда, откуда только она и исхо-

дить, когда онъ, „сложивъ руки передъ грудью, какъ онъ дѣлалъ, когда былъ маленький, поднялъ глаза кверху и проговорилъ: „Господи, помоги мнѣ, приди и вселися въ меня!“ Пока это было настоящій членяничекъ своихъ богомольныхъ тетушекъ, думавшій прежде всего о томъ, какъ-бы унести подобру-поздорову свою собственную выхоленную шкуру.

Такъ что собственно никто ни въ чемъ и не виноватъ? Виноватъ одинъ человѣкъ, совершившій вопіющее беззаконіе. Слѣдуетъ познакомиться съ нимъ ближе, съ этимъ господиномъ „въ золотыхъ очкахъ, невысокимъ, съ поднятыми плечами и нахмуреннымъ лицомъ“. Супруга его, повидимому, дама съ характеромъ; она рѣшительно отказалась ему въ обѣдѣ; а онъ, очевидно, не знакомъ со способомъ укрощенія строптивыхъ. Ей, вѣроятно, и самой вскорѣ надоѣло-бы обѣдать въ одиночествѣ, въ особенности потому что онъ, конечно, не выдавалъ ей довѣренности на получение жалованья; въ слѣдующій мѣсяцъ она была-бы акуратнѣе въ расходахъ. Его шуринъ, которому сестра также объявила, чтобы онъ не являлся къ ней обѣдать, весело сказалъ ему; „такъ что видно въ кабачкѣ пообѣдаемъ“, „Ничего нѣть смѣшного, сказалъ мрачный членъ суда и сдѣлался еще мрачнѣе“. Какой трагизмъ. Господину въ золотыхъ очкахъ все, касающееся его личности, кажется очень значительнымъ. Онъ составилъ о себѣ высокое понятіе. Еще въ гимназіи, сынъ бѣдныхъ родителей, онъ не только долженъ былъ самъ учиться, но и заниматься репетиторствомъ для заработка; бѣгалъ онъ по урокамъ и въ университетѣ. Иногда только ему удавалось достать билетъ на галерку, чтобы послушать Шати или Нильсонъ, а теперешній товарищъ предсѣдателя стоялъ тогда въ партерѣ въ своемъ новенькомъ мундирчикѣ съ треуголкой подъ согнутой рукой, лорнируя ложи, въ ожиданіи поднятія занавѣса. Прежде онъ обучалъ товарищей, а теперь товарищъ предсѣдателя обращается къ нему за совѣтомъ въ затруднительныхъ случаяхъ, и онъ выкладываетъ ему все по кассационнымъ рѣшеніямъ, какъ по писанному.—„Вотъ и живи хорошей, нравственной жизнью (куда мѣтить), думалъ онъ, глядя на сияющаго, здороваго, веселаго, добродушнаго предсѣдателя,—онъ всегда доволенъ и весель, а я мучаюсь“.—Мучается и при случаѣ срывастъ сердце на томъ, кто подвернется.—Ему пришлось немало поработать своими боками прежде, чѣмъ удалось

попасть членомъ суда въ столичный городъ. Безъ сомнѣнія онъ большаго былъ достоинъ. Акуратный, дорожащій поощрѣніями, онъ работалъ усидчиво, и у него хватало свободного времени лишь на столько, чтобы прочесть одну газету. Изо дня въ день это вошло въ привычку, и газету онъ прочитывалъ со вниманіемъ отъ доски до доски. Понемногу его убѣжденія химически переработались и стали реагировать только при извѣстной закваскѣ. А такъ какъ эту газету онъ встрѣчалъ повсюду, то и пришелъ къ выводу, что въ ней то и выражаются убѣжденія громаднаго большинства отрезвившихся, благомыслящихъ людей. До такой степени, что, встрѣчая новый для себя взглядъ, удивленно и искренно говорилъ: „въ первый разъ слышу“. Но все же когда-то онъ былъ въ университѣтѣ; приходилось иногда вступать въ споръ, хотя и съ скрываемъ намѣреніемъ образумить. Оказывалось при этомъ, что весь его багажъ совсѣмъ рыночнаго происхожденія; чтобы не обнаружить вполнѣ его недоброкачественности, онъ въ такихъ случаяхъ прерывалъ себя обыкновенно и, указывая слушателю на оппонента, говорилъ: „кажется онъ не доволенъ существующимъ порядкомъ вещей“? Всѣ вѣянія шестидесятыхъ годовъ, воспоминанія о медовомъ мѣсяцѣ судебной реформы и прочее тому подобное онъ добросовѣстно презиралъ и считалъ недостойнымъ людей умныхъ. Онъ признавалъ, что Царскій коронный судъ предпочитательнѣе суда присяжныхъ. Сказано: правда и милость да царствуетъ въ судахъ. Но для господина въ золотыхъ очкахъ важнѣе всего, что скажетъ газета.

— А вы? обратился къ нему товарищъ предсѣдателя, желая склонить его на свою сторону и передать дѣло Масловой на вторичное разсмотрѣніе присяжныхъ.

— Ни въ какомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ рѣшительно. Итакъ уже газеты говорятъ, что присяжные оправдываютъ преступниковъ; что же заговорятъ, когда судъ оправдаетъ. Я не согласенъ ни въ какомъ случаѣ.

Резолюцію съ каторжными работами написать недолго, и приговоръ былъ объявленъ, когда многіе изъ присяжныхъ засѣдателей оставались еще въ залѣ.

Такъ окончилось въ окружномъ судѣ дѣло обѣ отравленіи купца Смѣлкова. Ушли смущенные присяжные засѣдатели и вмѣстѣ съ ними немногочисленная публика; разошлись утомленные

судьи; ушелъ „среднихъ лѣтъ человѣкъ во фракѣ, съ широкимъ полуокругомъ бѣлой крахмальной груди“, защитникъ подсудимыхъ Бочковой и Картинкина; отпустилъ секретарь наконецъ и конвойныхъ съ Масловой. Зала умолкла и стала погружаться въ полумракѣ. Если-бы все это видѣлъ старикъ Акимъ, онъ сказалъ бы: „Вы, таё, по своему воротите, а Богъ по своему.“—

Старый Судья полагаетъ, что „Воскресеніе“ представляетъ собою спокойную и послѣдовательную насмѣшку надъ современнымъ судомъ съ намѣреніемъ отнять у суда (а съ нимъ и у судей) довѣріе, которымъ онъ доселъ пользуется“. Осмѣять реформированный судъ—дорогое и всѣми признанное наслѣдіе благодѣтельного Императора; отнять у преданныхъ и честныхъ труженниковъ общественное довѣріе и уваженіе—единственное ихъ достояніе. Жалкое намѣреніе для „великаго писателя земли Русской“. Къ счастію этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Тѣ, кто видятъ въ „Воскресеніи“ насмѣшку надъ судомъ, надъ администрацией, надъ тюремными порядками или надъ чѣмъ-бы то ни было, не видятъ въ этомъ романѣ главнаго. Не замѣчаютъ чудной дѣвушки, выходящей въ предразсвѣтномъ сумракѣ на паперть изъ ярко освѣщенной сельской церкви послѣ Пасхальной заутрени. Радостная, счастливая присутствіемъ любимаго человѣка, ослѣпленная вѣстью о воскресшемъ Спасителѣ, она христосуется съ безносымъ нищимъ; трижды цѣлуетъ Нехлюдова, и поцѣлуй ея чистъ и ароматенъ, какъ дѣвственное дыханіе весеннаго ландыша. Въ слѣдующую-же ночь любимый ею юноша, лучшій человѣкъ, какого она знала, осквернилъ ея тѣло и душу, сунулъ ей за пазуху сто рублей и уѣхалъ освобождать болгаръ. Исторія Кати Масловой извѣстна теперь всему свѣту. Тетушки прогнали провинившуюся горничную; писатель научилъ ее легкому способу получать по двадцати пяти рублей за визитъ; потомъ, въ теченіи шести лѣтъ, люди всякихъ состояній поворачивали ее съ боку на бокъ, какъ падлу, сытый, тлетворный развратъ стеръ съ ея души всѣ слѣды добра и обратилъ въ пустую развалину. Маслова утратила вѣру въ Бога; видѣла, что „никто въ это не вѣритъ“; жила безъ воспоминаній, пользуясь только своимъ тѣломъ. Это-ли не смерть души, смерть съ запахомъ тлѣнія? Кто можетъ сказать, что осужденіе Масловой не послужило ей во благо? Слѣдя за ея судбою, мы видимъ какъ одинъ за другимъ спадаютъ погребаль-

ные покровы ея души; какъ эта душа, страдая, оживаетъ и, пробужденная, воскресшая, подымается на невѣдомую ей дотолѣ высоту любви, приносящей себя въ жертву.

Романъ приходитъ къ концу; Нехлюдовъ и Маслова уже въ Иркутскѣ.

— На сколько человѣкъ построенъ замокъ?, спрашивалъ англичанинъ чрезъ Нехлюдова. Сколько заключенныхъ? Сколько мужчинъ, сколько женщинъ, дѣтей? Нехлюдовъ былъ весь еще подъ впечатлѣніемъ довольства, испытанного имъ въ генераль-губернаторскомъ домѣ; общенія съ развитыми, симпатичными людьми своего круга, сонаты Бетховена; тронутый переливающейся чрезъ край, счастливой, себялюбивой любовью молодой матери, показавшей ему своихъ малютокъ, онъ ожидалъ свиданія съ Катюшой. Она вошла въ арестантской кофтѣ; тяжелое, непріязненное чувство шевельнулось въ немъ. „Я жить хочу, хочу семью, дѣтей, хочу человѣческой жизни“, мельнуло у него въ головѣ.

Онъ всталъ и ступилъ нѣсколько шаговъ ей навстрѣчу. Она ничего еще не сказала, но возбужденное лицо ея поразило его. Лицо ея сіяло восторженной рѣшимостью.

— Вы знаете? спросилъ Нехлюдовъ.

— Да, мнѣ передавали; только я теперь рѣшилась. Я буду проситься съ Владиміромъ Ивановичемъ . . .

— Какъ съ Владиміромъ Ивановичемъ? началь было Нехлюдовъ; но она перебила его.

— Что-жъ, коли онъ хочетъ, чтобы я съ нимъ жила, испуганно остановилась и поправилась . . . , чтобы я при немъ была. Мнѣ чего-же лучше? А, можетъ быть, и ему буду полезна, да и другимъ . . . Что-же мнѣ?

Если вы любите его . . . сказалъ онъ.

— Я вѣдь не знала никогда такихъ людей; ихъ нельзя не любить. И Владиміръ Ивановичъ совсѣмъ особенный.

— Да, разумѣется, началь Нехлюдовъ. Онъ прекрасный человѣкъ, и я думаю . . .

Она перебила его, какъ-бы боясь, что онъ скажетъ лишнее или что она не скажетъ всего.

— Нѣть, вы меня простите, если я не то дѣлаю, что вы хотите, сказала она.—И вамъ жить надо.

. . . . Неужели между нами все кончено?

Да, похоже на то, сказала она и странно улыбнулась.

— Такъ мнѣ идти? сказала она, замѣтивъ, что англичанинъ до-
жидается.

— Я не прощаюсь; я еще увижуся съ вами,—сказалъ Нех-
людовъ, подавая ей руку.

— Простите,—сказала она чуть слышно. Глаза ихъ встрѣти-
лись, и въ странномъ косомъ взглядѣ и жалостной улыбкѣ, съ
которой она сказала это не „прощайте“, а „простите“, Нехлю-
довъ понялъ, что изъ двухъ предположеній о причинѣ ея рѣше-
нія вѣрнымъ было второе: она любила его и думала, что, связавъ
себя съ нимъ, она испортитъ его жизнь, а уходя съ Симонсономъ
освобождала его.

Она пожала его руку, быстро повернулась и вышла.

Въ остальномъ ихъ разсудить Богъ. . . .

Что-же, угодно теперь пройти по номерамъ? спросилъ смо-
тритель. Нехлюдовъ очнулся. Англичанинъ кончалъ свои записи
и желалъ осмотрѣть камеры.

Нехлюдову предстояло пройти послѣдній кругъ ада. Ан-
гличанинъ осматривалъ острогъ подробно. Это ему нужно было
для его книги, которая произвела сенсацію въ Европѣ и Амери-
кѣ. По пути онъ раздавалъ Библію и объяснялъ катаржнымъ
слова Христа. Но онъ служилъ Христу, какъ нерадивый рабъ, и
святые слова подверглись осмѣянію. Взглянувъ въ покойницкой
въ страшно-прекрасное лицо умершаго Крыльцова и тронувъ
рукой его холодные, какъ ледъ, ноги, Нехлюдовъ вышелъ на
дворъ . . . и ему улыбнулись высокія звѣзды холодной сибирской
ночи. Вернувшись въ гостиницу, онъ открылъ евангеліе, данное
ему англичаниномъ. Тогда только-что осмѣянныя слова Христа
спустились къ нему съ недосягаемой высоты, какъ ангелы хра-
нители, и показались ему близкими, понятными и доступными.

Всѣ мы, закрывъ книгу, возвратимся, вмѣстѣ съ Нехлюдо-
вымъ, въ прежнія условія жизни, но и для многихъ изъ насъ,
какъ и для Нехлюдова, они получать „совсѣмъ иное чѣмъ преж-
де значеніе“.—Семейные возвращаются въ свои семьи; одинокій
можетъ покинуть свое одиночество, какъ покинула его ушедшая
изъ своей семьи „высокая, полная, съ красивыми бараньими гла-
зами“ дѣвушка, которая своей сильной рукой помогла Масловой

отвалить камень отъ дверей ея гроба.

Нѣтъ, „Воскресеніе“ не есть озлобленная сатира. Въ немъ излилась скорбь великаго сердца надъ несовершенствами, заблужденіями и превратностями жизни. Это трагедія жизни возвышенная, умиротворяющая, завершаемая побѣдою и торжествомъ жизни; могучій ударъ кисти геніального, несравненнаго художника.

Не смѣю подавать совѣтовъ кому-бы то ни было. Но мнѣ кажется, что каждому мыслящему человѣку слѣдуетъ задуматься надъ романомъ гр. Толстого, а въ особенности тѣмъ людямъ, вольные и невольные ошибки которыхъ могутъ такъ тяжело отражаться на судьбѣ ихъ близкихъ.

22 января 1900 г. Вильна.

